

же талантовъ, но являющихся позже, уже во время успѣховъ и развитія литературы. Сумароковъ, по убѣжденію его современниковъ, далеко оставилъ за собой и баснописца Лафонтена, и трагиковъ Корнеля и Расина и сравнялся съ господиномъ Вѳтеромъ. Херасковъ былъ нашимъ Гомеромъ, Петровъ — Пиндаромъ, Богдановичъ — Зефиръ давалъ ему перо изъ своихъ зрыль, и Амуръ водилъ его рукой, когда онъ писалъ «Душеньку»... Но много ли породили подражателей эти, положимъ, условные гении? Много ли породилъ подражателей самъ Державинъ? Правда, торжественныхъ одъ было въ тѣ блаженные времена написано и напечатано миллионы; но это оттого, что тысяча рукъ писали ихъ, и если на каждую руку по одной одѣ—такъ ужъ выйдетъ страшный итогъ. Но много ли дошло до насъ именъ талантливыхъ беллетристовъ, порожденныхъ движеніемъ, сообщеннымъ нашей литературѣ ея первыми гениями? Положимъ, что у Сумарокова, Хераскова и Петрова и не могло быть талантливыхъ подражателей; но много ли было ихъ у Державина? Нѣсколько одъ написалъ Дмитріевъ, и немного больше написалъ ихъ Капнистъ—вотъ и все... Оды обоихъ этихъ поэтовъ по числу—ничто въ сравненіи съ численнымъ богатствомъ одъ Державина. А между тѣмъ такъ естественно, что беллетристу легче писать много, нежели его образцу; но у насъ это всегда бывало наоборотъ. Макаровъ и Подшиваловъ, очень мало написавшіе, особенно послѣдній, дѣйствовали независимо отъ Карамзина; подражателями же Карамзина были Владиміръ Измайловъ, князь Шаликовъ и, право, не помнимъ, кто еще: такъ мало ихъ было, и бывшіе такъ мало и вяло писали! Вліяніе Жуковского было обширнѣе: у него и теперь, и всегда можно учиться переводить, стихъ его тоже всегда будетъ образцовымъ. Козловъ, О. Глинка и частью Туманскій были отголосками музы Жуковского. Гений Пушкина породилъ еще болѣе подражателей, у которыхъ нельзя отрицать таланта и которые въ свое время пользовались огромной извѣстностью, но всѣ, вмѣстѣ взятые, они едва ли написали половину того, что написалъ одинъ Пушкинъ, хотя и онъ написалъ не очень много, — и какъ скоро пережили они свой талантъ и свою извѣстность! И теперь пишутъ многіе; одинъ сходитъ со сцены, то есть забывается (это у насъ дѣлается необыкновенно скоро), другой является, въ сложности всѣ производятъ довольно много (по крайней мѣрѣ относительно), но каждый особенно пишетъ очень мало. И при томъ всѣ претендуютъ на художественность, на творчество, никто не хочетъ быть

просто рассказчикомъ, сказочникомъ, беллетристомъ. Почти въ б пишуть на заказъ, зная впередъ, сколько дастъ имъ каждая строчка, каждое слово, каждая запятая, но въ то же время всѣ пишуть и по вдохновенію. Многіе продаютъ еще ненаписанные повѣсти, но не потому, что слишкомъ много пишуть и много получаютъ заказовъ, а потому, что слишкомъ мало пишуть. Иной разразится повѣстью въ годъ—и смотритъ Наполеономъ послѣ аустерлицкой битвы. Удастся написать въ годъ двѣ повѣсти: это уже равняется завоеванію всего міра. Оттого у насъ нѣтъ беллетристики, и публикѣ нечего читать. Всѣ сколько-нибудь замѣчательныя произведенія каждаго года (со включеніемъ сюда и такихъ, которыя только что сносны) можно перечесть по пальцамъ. Во Франціи это дѣлается иначе: тамъ пишуть полосами, и каждый сколько-нибудь извѣстный беллетристъ исписываетъ ежегодно цѣлые томы, чуть не десятки томовъ, не заботясь о томъ, за что приметъ его публика—за гения или просто за талантъ. Тамъ беллетристъ пишетъ гораздо болѣе, чѣмъ художникъ-поэтъ: Жоржъ-Занда написала много больше, нежели сколько у насъ пишется многими въ продолженіе многихъ лѣтъ; но кипа сочиненій Жоржъ-Занда въ сравненіи съ кипой сочиненій Эжена Сю или Александра Дюма—то же, что озеро въ сравненіи съ моремъ или море въ сравненіи съ океаномъ. Оно и естественно: творчество не покоряется волѣ, и художнику нужно время обдумать и выносить въ умъ своею концептированную имъ мысль... Въ настоящемъ, въ истинномъ значеніи этого слова у насъ было и есть только три беллетриста: это — Бургаринъ, Полевой и Кукольникъ. Неумолимость ихъ изумительна...

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи слабѣе другихъ принялась у насъ драма, особенно комедія. По крайней мѣрѣ хотъ такъ-называемая классическая трагедія имѣла у насъ свое время развитія и успѣховъ. Трагедіи Сумарокова дали пищу нашему рождающемуся театру и не только восхищали современниковъ, но «Димитрій Самозванецъ» давался на провинціальныхъ театрахъ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Трагедіи и комедіи Княжнина имѣли для своего времени неотъемлемое достоинство, — и вообще можно сказать, что наше время много бы выиграло, если бъ теперь явился такой умный и ловкій заимствователь по части драматической литературы, какимъ для своего времени былъ Княжнинъ. Еще выше его былъ Озеровъ. Изъ этого видно, что классическая